

Трагедия профессора Гендерсона.

Научно-фантастический рассказ *А. Верриль*. С англ.

1.

Многие еще помнят необъяснимое исчезновение д-ра Гендерсона, всемирно известного биолога. Вероятно, столь же памятно, что одновременно с ним бесследно исчезло еще девять человек, в том числе двое, не имевших никакого отношения к университетским кругам.

Так как многочисленные газетные сообщения об этом случае в значительной степени противоречивы, я считаю необходимым освежить в памяти читателей упомянутую историю.

Пять студентов, банкир, купец, лаборант и женщина-врач, совместно с профессором Гендерсоном скрылись, не имея, казалось бы, никаких поводов к бегству. Судебное следствие установило, что остальные девять лиц перестали появляться где бы то ни было еще за несколько дней до исчезновения Гендерсона. Было также установлено, что восемь из пропавших часто встречались друг с другом, работая, повидимому, над чем-то в лаборатории биолога. В этом, конечно, ничего

странного не было, так как они были слушателями или ассистентами профессора. Проще всего предположить, что их связывала общность научных интересов. Странным казалось только присутствие среди них купца и банкира.

Подчеркиваю, что было вполне установлено отсутствие всяких причин к их бегству. Ни один из них не имел долгов, не был замешан в какой-либо скандальной истории и не имел врагов, от которых принужден был бы скрываться. Вряд ли могли они стать и объектами чьего-либо преступления. За исключением банкира и коммерсанта, все были люди небогатые, а банкир и купец никогда не носили при себе крупных сумм, расплачиваясь, когда встречалась надобность, чеками. Наконец,—что особенно сбивало следствие с толку,—все носильное платье исчезнувших было найдено снятым ими и небрежно брошенным.

Д-р Гендерсон, старый холостяк, домосед, нигде, кроме лаборатории, не бывавший, нередко в ней и заночевывал, для чего даже поставил там койку. Швейцар колледжа после долгих стараний восстановить в памяти все лица, виденные им за последние недели, сказал, что, насколько он может припомнить, в лабораторию д-ра Гендерсона входил и из нее выходил несколько раз какой-то юноша, лет 15-ти, никогда ранее им не выданный. Но он положительно не в состоянии ответить, видел ли он этого молодого человека хоть раз вместе с самим д-ром Гендерсоном.

Горничная меблированных комнат, в которых жила женщина-врач Эльвира Флагг, тоже смутно припоминала, что как-будто ей попался в коридоре юноша лет пятнадцати с девушкой, приблизительно такого же возраста, бывавшие у их квартирантки.

Когда же и конторские мальчики банкира и купца вспомнили, что какие-то молодые люди частенько посещали их господ, полиция приступила к поискам юноши, подходящего под описание свидетелей, однако, никаких следов подобной личности не обнаружила. По слухам кое-кто показал, что он слышал детские крики в лаборатории профессора, хотя никто не видал, чтобы туда приносили или оттуда уносили младенцев.

Но как и всякая тайна, как всякий скандал, и это происшествие вскоре утратило интерес новизны и по истечении нескольких месяцев было совершенно забыто.

II.

Так обстояло дело, когда я получил от ректора университета предложение занять кафедру биологии, остававшуюся вакантной со времени исчезновения профессора Гендерсона.

Сначала я думал отказаться. Я опасался, что лекции отвлекут меня от научных исследований, которым я посвятил свою жизнь. Но вспомнив о тайне, окружающей исчезновение моего предшественника, с которым я был дружен во времена студенчества, я согласился. Первым делом, за которое я принялся, став продолжателем работ Гендерсона, было приведение в порядок лаборатории, найденной мной в хаотическом состоянии. Инструменты, книги, бумаги, аппараты, справочники, химические реактивы остались в том положении полнейшей путаницы, в котором все было покинуто Гендерсоном в последний день работы. Когда я принялся за очистку лаборатории от хлама, я удивился, как могла полиция производить в таких условиях обыск. Вернее всего, она и не осматривала содержимого всех ящиков. В груде старых журналов и брошенных бумаг в кладовой я нашел нечто, в высшей степени меня удивившее: целый узел смятого, запачканного и несомненно ношенного детского платья. Я глядел на крошечные одежды с смешанным ощущением смущения и удивления. Неужели мой старый школьный товарищ убивал детей для научных исследований? Если нет, откуда же у него эта куча детского платья? Куда делись дети?

— Вероятно,—думал я,—где-нибудь да должны же тут быть заметки Гендерсона об этих опытах с детьми, закончившихся их уничтожением. Чтобы он ни делал с ними, он делал это ради науки или, по крайней мере, думал, что делает это ради науки, а потому не мог не вести протоколов своих опытов.

Я лихорадочно стал пересматривать все имевшиеся в лаборатории книги для записей работ, каждый исписанный клочок бумаги, который мог оказаться ключом к тайне.

Не легкое дело было разбираться во всех наспех, неразборчиво набросанных строках записей и заметок моего предшественника. Утомляла необходимость не оставлять без внимания ни одного клочка бумаги и перелистывать страницу за страницей все книги и брошюры в поисках за вложенными между ними исписанными листками. Когда я уже готов был бросить поиски, я открыл небольшой, покрытый пылью ящик и сделал свое второе и еще более удивительное открытие. Ящик был сплошь набит вещами, которым, казалось бы, не место было в лаборатории ученого. В нем лежали рубашонки грудных младенцев, соски, погремушки, бутылочки от молока, английские булавки и др. вещи, в которых нуждаются самые маленькие дети. Тут же,—и это мне показалось самой существенной частью находки,—имелась толстая тетрадь небольшого формата, оказавшаяся дневником Гендерсона. Здесь или нигде должен храниться ключ тайны!

Первая запись была сделана еще за три года до исчезновения биолога; но бросив беглый взгляд на содержание тетради, я увидел, что дневник велся нерегулярно, с большими пропусками. Это был не дневник, а скорее ряд последовательных записей, отделенных более или менее значительными промежутками времени. Перелистывая страницы тетради и скользя глазами с даты на дату, я к величайшему удовольствию нашел, что последняя из них помечена 14 сентября прошлого года. Значит, последняя запись была сделана за несколько дней до исчезновения профессора.

Я уселся поудобнее и приготовился перечитать дневник от начала до конца.

III.

С первых же строк поразило меня, что исчезнувший биолог, всю свою жизнь отдавший чистому знанию, верил в такую ненаучную идею, как возможность вечной юности!

„Я не вижу научных оснований, почему органическая материя должна с течением времени разрушаться“,—писал он в самом начале дневника.—„Старческое перерождение тканей есть результат различных причин, чаще всего—следствие неправильного образа жизни, иногда болезни или несчастного случая. Биологического понятия старости не существует, старость—чисто патологическое явление. Биолог знает лишь рост, увеличение числа клеток и массы ткани. Здоровая нормальная животная или растительная клетка совершенно одинакова, входит ли она в организм прорастающего или отцветающего растения, новорожденного или старика. С научной точки зрения бесконечная юность или предупреждение одряхления клеток кажется неосуществимым, но мы знаем столько фактов, опровергающих эту невозможность, что ее отнюдь нельзя считать непреложным законом“.

Несколько ниже я натолкнулся на следующие строки: „На своих лекциях я осторожно провел мысль о возможности предупреждения одряхления организма, а следовательно, и возможности достижения так называемой вечной юности. Это приближает нас к возможности вечной жизни. Если сохранение всех клеток организма в совершенно здоровом состоянии будет достигнуто, это устранил и самую смерть. Конечно, она может последовать в результате несчастного случая, человек может быть убит, может сгореть во время пожара, но от нормальной смерти он будет застрахован.“

„Я думаю, что это может быть достигнуто. Э. (я догадался, что этой буквой Гендерсон всюду обозначает Эльвиру Флагг) крайне заинтересовалась моей идеей. В ее медицинской практике ей постоянно приходится встречаться с различными степенями старческого перерождения тканей и видеть, что разрушение духовной и физической личности человека есть прямое следствие этого одряхления клеток. Ее наблюдения были столь же ценны для меня, как результаты моих биологических исследований—для нее. Несколько человек из моих слушателей тоже весьма увлеклись этим вопросом, и мы теперь собираемся тесным кружком, обсуждая волнующую нас тему.

„Возможно, что еще не скоро наступит час, когда человек по желанию сможет изменять свой возраст или навсегда оставаться в том, который сочтет наиболее для себя подходящим. Однако, такое время придет, и эта возможность станет таким же обычным явлением, как сейчас консервирование пищевых веществ“.

Несколько следующих страниц дневника не имели отношения к затронутой в начале его теме, и я уже подумал, что она перестала его интересовать. Я ошибся: в дальнейшем она оказалась главной темой записей.

„Печальный случай дал нам указание, в каком направлении мы должны вести наши изыскания“, писал профессор. „Несколько недель тому назад громадный дирижабль *Колосс* взорвался, пролетая над Эмерсоном. Один из моих слушателей, живший невдалеке от места катастрофы, установил весьма замечательный и интересный факт. В здравьи обитателей поселка вскоре после этого происшествия наступило резкое улучшение. Старики стали лучше видеть и слышать, а засохшие деревья покрылись свежей листвой.

„Я посетил Эмерсон вместе с Э. и удостоверился, что указанные перемены действительно произошли. Растительность в селении оказалась роскошнее, чем где-либо в окрестностях, а из расспросов жителей выходило, что они стали бесспорно здоровее, можно даже сказать—моложе. Мы решили, что прямой причиной этого был QW—газ, наполнявший дирижабль.

„Но так как на рабочих, изготавливающих этот газ на западе, подобного действия не замечается, то оставалось предположить, что составные части газа, благоприятно действующие на растительный и животный организм, образовались в момент взрыва газа. К сожалению, химический состав QW держится фабрикой в строжайшем секрете; получить же его для анализа нам не удалось. Удалось бы нам добыть хоть небольшое количество этого газа, мы, может быть, сделали бы величайшее открытие“.

„Э. разрешила одно из затруднений“,—читал я дальше. „В числе ее пациентов имеется некий Бурк, богатый купец, многим ей обязанный. Она сказала ему, что нам необходимо достать немного QW для важных научных опытов. Он обещал через своих друзей, знакомых с владельцами завода, достать ей интересующее нас вещество для исследования. Если это удастся, я стану взрывать газ небольшими порциями и изучать действие взрыва на растительные и животные организмы. Не удастся ли мне обнаружить что-либо подобное замеченному в Эмерсоне? Но возникает новое затруднение. Теоретически QW невзрываем, и я теперь стараюсь всеми силами выяснить причину, почему же все-таки *Колосс* взорвался? В этой работе мне помогает мой ассистент Монтроз, великолепно знающий химию“.

IV.

Вероятно, работа над разрешением поставленной задачи не оставляла Гендерсону времени вести дневник регулярно, так что последующая запись, датированная двумя неделями позже, не содержит описания сделанного за истекший срок.

„Теперь не остается сомнений: так называемый возраст может быть изменен,—писал он.—Мой опыт № 612A доказал это. Произведенный мною взрыв газа

оказался не безопасным--он разрушил несколько довольно ценных приборов и серьезно поранил их осколками Монтроза. Однако, Э. говорит, что удивительная быстрота, с какой полученные им порезы зарубцевались, является следствием благотворного действия неизвестных химических соединений, образовавшихся при взрыве QW.

„Очевидно также, что они действуют мгновенно: я, хотя и был потрясен происшедшим взрывом, но как бы не успел испугаться и почувствовал себя тотчас же бодрым и как будто помолодевшим. Тот же эффект заметила и Э. Мы стали живее, начали быстрее двигаться и лучше соображать в первые же минуты после происшедшего взрыва. Монтроз убежден, что теперь, как только мы закончим анализ продуктов взрыва, мы сможем синтезировать их менее рискованным путем.

„Чтобы возобновить разрушенные взрывом аппараты, чтобы сделать их вполне безопасными, нам нужны довольно крупные деньги. Боюсь, не придется ли мне отказаться от дальнейших опытов. До чего обидно, что результат наших работ зависит от того, удастся ли нам найти средства для продолжения опытов!“

Тут опять следовал пропуск, и только 5—10 июля отмечено следующее: „Монтроз нашел путь к продолжению наших опытов. Его дядя, мистер Рэдфильд, богатый банкир, очень боится старости. Несколько дней тому назад он в присутствии Монтроза сказал, что не пожалел бы миллиона долларов, если бы мог обеспечить за эту сумму сохранение полной умственной и физической силы до самой смерти. Это заставило Монтроза рассказать ему о наших опытах, в надежде, что он согласится их финансировать. Банкир весьма заинтересовался описанием наших работ и пожелал принять в них участие. Я и Э. согласились. Его друг Бурк и пятеро моих студентов тоже посвящены в нашу тайну. Мы решили, пока не добьемся успеха или не потерпим окончательной неудачи, не открывать ее никому из посторонних, образовав, значит, нечто вроде секретного научного общества. Мы не хотим, чтобы о наших изысканиях начались преждевременные толки, а тем более, чтобы сведения о них проникли в газеты...

„...Монтроз совершенно выздоровел. Бурк, между прочим, оказал нам неоценимую услугу, ухитрившись раздобыть точную формулу QW.“

По мере того, как я углублялся в чтение, я все более и более радовался, что нашел этот дневник исчезнувшего биолога. Уже и сейчас многое в этом загадочном происшествии стало понятным. Об'яснилась причина, ранее бывшая непонятной, заставившая сблизиться с д-ром Гендерсоном богатого купца Бурка, банкира Рэдфильда, женщину-врача Флагг, лаборанта Монтроза и пятерых студентов. Цель их собрания тоже стала ясной. Несомненно, что в дальнейшем все были вынуждены скрывать по одной и той же причине. Я углубился в дальнейшее чтение дневника. То, что я нашел в нем, превзошло все мои самые смелые предположения. Это была захватывающая повесть, совершенно невероятная и в то же время неоспоримо правдивая повесть, интереснее которой еще никогда ничего не было написано.

Окончание следует.

Трагедия профессора Гендерсона.

Научно-фантастический рассказ.

А. Верриля.

(Окончание).

V.

„Монтрозу удалось выделить около двадцати до сих пор неизвестных соединений из QW. Между ними имеется и новый элемент, который он назвал *Ювениум*, предполагая, что он-то и явится ключом к нашим дальнейшим открытиям. Если мы даже и не решим нашу задачу, открытие этого элемента сделает Монтроза знаменитостью. Бурк и Рэдфильд со страстью отдались работе. Последний предоставил в наше распоряжение все свое состояние. Э. положительно не утомима. Как только дело наше будет закончено, буду просить ее стать моей женой. Если оно увенчается успехом, перед нами откроется трудно-вообразимая перспектива—бесконечно долгие годы неизменяющейся юности. Мы не будем стариться, не утратим свежести лица и тела, ничто не будет грозить нашим духовным силам.

„Мы приступили к систематическим опытам над низшими растительными и животными организмами. Мы убедились, что *Ювениум*, как и предполагал Монтроз, представляет собою активное жизненное начало. Но применение его натолкнуло нас на неожиданные сомнения: будет ли организм, нормальное развитие которого мы приостановили, заменив возвращением к юности, продолжать жить или умрет?...

„...Дело идет успешно! Мы случайно решили эту задачу!“.

„Бурк поставил в лаборатории радиоприемник. Один из сосудов, содержащих организмы, подвергаемые действию *Ювениума*, находился как раз в непосредственной близости к аппарату. Его содержимое продолжало жить и развиваться, в то время как растения и животные в других сосудах через несколько дней умерли. Бурк, как и удивительно, был первым обратившим внимание на этот факт. Джонсон, один из студентов, опытный радиолюбитель, высказал мысль, что электро-магнитные волны или электроны, излучаемые катодными лампами, могли оказать благоприятное влияние на действие *Ювениума*, и мы начали серию опытов совместного воздействия на организмы его и излучений.

„...Джонсон оказался прав. Организмы,—растительные и животные,—помещенные вблизи катодных ламп радиоприемника, омолодились и развивались великолепно. контрольные же, защищенные от действия излучений, омолодившись, быстро гибли. В связи с этим возник новый вопрос,—сохраняют ли омоложденные организмы свою жизнеспособность только до тех пор, пока на них действуют излучения, или даже временное действие последних гарантирует их дальнейшее существование?“

„Вечная юность в наших руках! Организмы, подвергавшиеся действию *Ювениума* и излучению катодных ламп, сохранили свою жизнеспособность в дальнейшем по прекращении воздействия того и другого.

„В ближайшие дни мы приступим к опытам над высшими организмами. Послезавтра приобретем для этой цели несколько кроликов, морских свинок и птиц. У Монтроза есть старая облезлая и беззубая собака, к которой он очень привязан. Он хочет попробовать на ней действие нашего метода омоложения. С своей стороны Э. предлагает для той же цели попугая, давным-давно живущего в ее семье и кажущегося совсем дряхлым. Джонсон шутя спрашивает, не украсть ли еще где старую извозничью клячу и не притащить ли и ее в лабораторию, а Бурк советует попытаться омолодить какого-нибудь 80-летнего сенатора“...

„Мы прямо глазам не верим! Три дня тому назад собака Монтроза была жалким полуслепым, беззубым существом, а сегодня она резва, как в лучшую пору юности, видит так же хорошо, как прежде, и ее зубы вновь все целы. Попугай Э. горд своим блестящим оперением, непрерывно болтает и проделывает различные акробатические упражнения. Результаты так удивительны, что Бурк, Рэдфильд, Джонсон и двое студентов настаивают, чтобы омолодили их самих. Я убеждаю их не торопиться, так как могут еще обнаружиться какие-нибудь непредусмотренные последствия омоложения“.

VI.

„Я начал свои работы с предположения о возможности предупредить наступление старости, а открыли мы способ возвращения юности. Дальнейшие наши опыты должны будут научить нас управлять омолаживающей силой, дозировать ее действие, достигать при ее помощи заранее назначенного возраста и останавливаться на нем. Сейчас же мы еще не знаем, какое количество лет сбросит с плеч человек, подвергшийся опыту, до какой именно степени он вернет свою юность. Я серьезно предупредил Бурка и Рэдфильда, что после омоложения они могут стать безбородыми юнцами, в которых никто не признает солидных купца и банкира. Но они твердо стоят на своем желании. Они не боятся стать слишком молодыми: наоборот, чем моложе они станут, тем лучше. Джонсон и двое студентов приняли их сторону и договорились до обвинения меня в желании непременно первым использовать наше общее открытие“.

„Я настаиваю, чтобы их подвергли только самому слабому, самому поверхностному воздействию излучений, на что они вынуждены были согласиться“.

„...Все довольны. Бурк и Рэдфильд стали похожи на сорокалетних и уверяют, что чувствуют себя лучше, чем чувствовали, когда они в действительности были не старше. У Джонсона свежесть лица и бодрость духа, как у двадцатилетнего; таковы же и его компаньоны. Сегодня Монтроз применил метод омоложения к самому себе, а Э. решила подвергнуться ему завтра. Конечно, в таком случае и я вынужден буду не откладывать его дальше. А все же я остаюсь при своем мнении, что мы еще недостаточно ознакомились со свойствами *Ювениума* и что было слишком поспешно пробовать их на самих себе“.

„...Ужасная вещь! Худшие мои опасения оправдались. Мы все подверглись омоложению и все очутились в отчаянном положении.“

В течение нескольких дней омоложенные животные оставались, повидимому, такими же, как в первый день после действия на них *Ювениума*. Сейчас же я, к удивлению и ужасу, заметил, что их помолодение пошло дальше. Пес все более и более становится щенком, сильно уменьшившись в росте, а попугай сделался птенцом. Я поспешил проведать Бурка и Рэдфильда и нашел того и другого запершимися в своих кабинетах в полном одиночестве. Бурк из 60-летнего старика превратился в 30-летнего, худощавого мужчину. Перемена с Рэдфильдом еще хуже. Из седого банкира получился юноша. Когда же я бросил взгляд в зеркало на свое отражение, то увидел, что и я стал моложе лет на десять.

„Я бросился к Э. Вместо немолодой женщины, которую я рассчитывал увидеть, меня встретила очаровательная девушка, лет двадцати. Она ничуть не разделяет моего страха. Наоборот, крайне обрадована тем, что помолодела, и довольна, что я стал таков, как сейчас. Я высказал ей свое опасение, что нам предстоит еще более помолодеть. Бурк и Рэдфильд стали уже настолько молоды, что не рискуют показаться своим служащим. Но Э. стала доказывать беспочвенность моих мрачных взглядов. Мы попрежнему — говорила она — владем всеми знаниями и опытом, приобретенными в течение нашей жизни. За исключением чисто физической перемены, мы остались теми же нормальными людьми, достигшими полного умственного развития.“

Я сказал Монтрозу и другим, помолодевшим уже на 10—15 лет, что нам следует добиваться регулирования влияния *Ювениума* на организм раньше, чем наше омоложение успеет зайти слишком далеко“

VII.

„Несколько дней мы не замечали дальнейших перемен друг в друге, затем, как по мановению волшебной палочки, процесс дал новый скачок. Бурк и Рэдфильд за двое-трое суток резко помолодели. Джонсон сейчас более походит па мальчика, чем на юношу. Э. и я чувствуем себя 18-летними юношей и девушкой; таковы же мы и наружностью. Приблизительно не старше кажутся и Бурк с Рэдфильдом. У них обоих имеются важные дела, и дальнейшее непосещение ими своих контор может иметь неприятные последствия.

„Убедившись, что никто не узнает Бурка и Рэдфильда, я посоветовал им потихоньку проникнуть в их конторы, когда там не будет служащих, и оставить письменные распоряжения; урегулировав же спешные дела, скрыться у себя на квартирах до тех пор, пока мы не найдем способа освобождения организма от действия *Ювениума*“.

„...Мы погубили! Нам никак не удастся приостановить омоложение наших организмов. Э. и я так переменялись, что когда третьего дня зашли за вещами в ее комнату, хозяйка пансиона не узнала ни ее, ни меня. Боюсь, что скоро нам придется носить детские платья. Хуже всего обстоит с Бурком и Рэдфильдом—потому ли, что они дольше других подвергались действию излучений, потому ли, что потихоньку от меня проделали курс омоложения двукратно. Вчера я не мог добиться от них ответа по телефону, а когда пришел к ним, то думал, что сойду с ума! Бурк стал 12-летним мальчиком, а Рэдфильд 15-летним. Оба бесятся от злости, требуют достать им подходящие костюмы, и на обоих их жалко смотреть, так как при своей ребяческой внешности они сохранили все привычки и образ мыслей стариков“.

„Единственный светлый луч в эти дни,—моя женитьба на Э. Мы решили ее не откладывать, боясь, что никто не станет нас венчать. Но нашему счастью суждены недолгие дни. Мы теперь знаем, что нас ждет. Никакая человеческая помощь не спасет нас от ужасной участи. Нас ждет продолжительная агония, предшествующая полному уничтожению. Бедная собака Монтроза уже дошла до стадии беззубого и слепого новорожденного щенка.

„Если мы не утратим ясности ума, мы будем сознавать, как постепенно проходит наше тело путь своего развития в обратном направлении. Через непродолжительное время,—кто знает, через сколько именно дней,—мы превратимся в беспомощных младенцев!

Бурк и Рэдфильд уже ходят так, как дети, едва научившиеся ходить, и лепечут что-то нечленораздельное. Мы перевели их сюда в лабораторию, когда они были еще „восьмилетними мальчуганами“.

„Я убедил всю нашу компанию перебраться в мою лабораторию—всех, кого я нашел, так как Монтроз, Джонсон и двое студентов куда-то скрылись. Быть может они покончили с собою, быть может сошли с ума и убежали, куда глаза глядят в тщетной попытке спастись от грозящей им участи“.

„...Чувствую, что сойду с ума. Я знаю теперь, что случилось с Монтрозом и другими исчезнувшими. Я нашел записку Монтроза, в которой он сообщает, что он, Джонсон и двое студентов решили подвергнуть себя вторичному действию *Ювениума* и электро-магнитных излучений. Они рассчитывали предупредить этим ждущую всех нас судьбу, в слабой надежде на то, что вторичное действие *Ювениума* и лучей уничтожит последствия первого. Что с ними случилось, это я хорошо теперь знаю. Собака еще два дня тому назад была слепым новорожденным щенком, а сегодня она исчезла! Вместо попугая, в клетке оказалось яйцо. А сегодня клетка пуста...

„Несомненно, Монтроз и другие уже уничтожились, дошли до эмбриональ-

ного состояния, а потом перешли в то загадочное состояние, которое предшествует рождению.

„Бурк и Рэдфильд—совсем грудные младенцы, пускают пузыри, что-то воркуют, как все крохотные дети, и нуждаются в бесперывном уходе. Сердце мое обливается кровью при каждом взгляде на мою дорогую жену. Сейчас она тоненькая девочка лет двенадцати, но сохранила все свои медицинские познания, все думы и желания, которые были у нас в тот день, когда мы впервые обсуждали вопрос о вечной юности“.

„Без жалоб несет она свой крест. Я не слышал от нее ни одного упрека; она так же терпелива, так же привлеклива, как всегда, хотя ей хорошо известно, что через несколько дней ей придется превратиться в беспомощное дитя“.

„Самое ужасное во всей этой истории то, что до последней минуты приходится сохранять сознание. Бурк и Рэдфильд—крикливые, плаксивые грудные дети, но их интеллект—интеллект стариков. Я дрожу от ужаса, наблюдая переживаемую ими агонию, трагически запечатленную на их детских личиках“.

„...Пишу с трудом. Бурк, Рэдфильд и другие перестали существовать. Они не умерли, они и с ч е з л и. Позавчера они еще были здесь, слабые, краснотлицые, безволосые новорожденные младенцы, а сейчас никаких следов от них не осталось.“

„Сейчас Эльвира ползает по полу, я же мучаюсь, глядя на такой результат нашего эксперимента. Не будь со мною Эльвиры, о которой я должен заботиться до последнего момента, я бы последовал примеру Монтроза и ускорил бы свое уничтожение повторным действием *Ювениума*. Но вместо этого, я лучше уничтожу все, с чем мы работали: все химические соединения, нами добытые, формулы, аппараты, словом все, что может позволить кому-либо другому осуществить нашу безумную затею. И как только Эльвира уйдет в то неведомое нечто, из которого возникает жизнь, я останусь лицом к лицу с участью, худшей, чем у всех остальных. Некому будет позаботиться обо мне, я стану беспомощным младенцем и должен буду в одиночестве пережить мою страшную агонию“.

„...Это будет последняя запись. Моя горячо любимая жена перестала существовать. До самого конца она казалась счастливой. В ее детских глазах, когда я неуклюже пытался кормить ее, светилось удовольствие, и ее младенческий ротик улыбался. Сегодня утром она исчезла у меня на глазах.“

Я хочу спрятать этот дневник между детскими платьями и вещами в ящик. Он объяснит их присутствие в моей лаборатории, когда они будут найдены.

„Больше писать не могу! Трудно водить пером. Почерк с каждой строкой приобретает детский характер. Да и нечего больше сказать. Я желал юности, и я достигнул ее. Но какой? Ультра-юности!..“.

Дневник заканчивается неразборчивой строчкой.

VIII.

У меня потемнело в глазах, когда я окончил чтение.

Страшная мысль осенила мой ум. Как могу я быть уверен, что некоторое количество этого ужасного элемента *Ювениума* не осталось в лаборатории? Почему знать, что я уже не подвергся его действию? Как убедиться, что и у меня не начнется страшный процесс регрессивного развития, что я теперь не стану день ото дня молодеть и, наконец, не угасну, как догоревшая свеча?

Я твердо решил никогда больше не переступать порога проклятого помещения.

Судьба помогла моему решению. В ту же ночь ужасный пожар охватил колледж. Лаборатория со всей ее обстановкой была нацело уничтожена огнем, уничтожившим все доказательства истинной причины исчезновения д-ра Гендерсона и его девяти компаньонов.

Страхи мои, по счастью, оказались безосновательны: спустя год, жена моя нашла у меня в шевелюре локонов седых волос. Теперь я могу быть спокоен, что опасность стать ультра-юным для меня миновала.